

Дешифровка "5.XI.59"

НА ДНЯХ Те-
атр драмы
имени А. С. Пуш-

ТЕАТР

ФАКЕЛ БУДЕТ ГОРЕТЬ

кина показал свою новую работу «Все остается людям» С. Алешина. Это — спектакль жизнеутверждающий, публицистический, несущий большую гуманистическую мысль. Глубоко продуманная режиссура Л. Вивьена и А. Даусона, мастерство исполнителей, лаконичные, выразительные декорации А. Босулаева, страстная музыка из произведений Шостаковича, Прокофьева, Танеева (монтаж З. Маймана) — все это наполняет спектакль ощущением жизни, борьбы, призывом к творчеству, деянию. Спектакль оптимистичен, хотя развертывающиеся события подчас трагедийны.

...Академик Дронов, его соратники и ученики работают над реактивным двигателем. «Хотите полететь на Марс? — шутит Дронов в разговоре с врачом. — Могу устроить по знакомству». Автор показывает ученого в момент наивысшего расцвета его духовных сил, но приговоренного врачами к близкой смерти, и этот контраст придает всему происходящему напряженный драматизм.

Образы учеников Дронова — Морозова, Вязьмина и Румянцевой — очерчены автором менее продуманно.

Если Морозов из-за боязни ответственности за двигатель после смерти Дронова оказывается попросту предателем дела своего учителя, то и талантливые Вязьмин и Румянцева также не обладают в полной мере теми качествами, которые нужны для того, чтобы принять из рук учителя научную эстафету. К тому же автор обрывает жизнь Вязьмина еще до смерти Дронова. И напрашивается пессимистический вывод, что великому ученому некому передать свой пылающий факел.

Приняв пьесу к постановке, театр проявил подлинную творческую зыскательность. Вместе с автором режиссеры проделали большую редакторскую работу над текстом, уточняя характеристики героев, снимая излишне мрачный колорит пьесы. И можно смело сказать, что театр выиграл спектакль.

Перед нами, развертывается несколько последних месяцев жизни Дронова, жизни целеустремленной, наполненной до краев любимой работой и радостной. Да, радостной, несмотря на то, что Дронов знает о своем близком конце.

Н. Черкасов играет прежде всего

влюбленность Дронова в жизнь, работу, творчество. Его глаза сияют негасимым огнем молодости, движения быстры, интонации энергичны. Он жадно тянется каждую минуту к письменному столу, к заветной синей папке, где лежат «планы, задумки, работы лет на сто хватит», тянется под бдительным оком своего секретаря (Н. Вейтбрехт) или врача (Л. Штыкан), предписывающих ему строгий, ограничительный режим. Дронов — Черкасов работает с наслаждением, со вкусом, он рвется к своей заветной папке, как юноша на свидание с любимой.

В некоторых сценах у Черкасова, нам кажется, оживают отдельные черточки профессора Полежаева из «Депутата Балтики». В Дронове мы видим те же жизнерадостность, огромное чувство юмора, порой озорство и задор. Через десятилетия как бы перекликаются образы этих ученых-патриотов, отдающих силы, талант, знания народу.

Великолепно рисует Черкасов Дронова как депутата, облеченного доверием народа. Мы видим искреннюю заботу и сердечное тепло в отношениях его к настоящим советским лю-

дям и непримиримую воинственность к бюрократам и подхалимам. С удивительной задушевностью и щедростью красок играет артист сцену, где Дронов приходит к Вязьмину, чтобы протянуть ему в момент жизненной катастрофы руку помощи.

Размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на всех исполнителях спектакля. Хочется сказать, что работа П. Крымова над ролью Вязьмина — бесспорная удача актера. Им создан ярко индивидуальный характер талантливого, чистого и благородного ученого, деликатность и доверчивость которого, однако, граничат с наивностью. И хотя сам Дронов считает его «слишком мягким и уступчивым», мы верим, что такому ученику он мог бы передать эстафету, не оборвав жизнь Вязьмина.

Трудная задача стояла перед Л. Петуховой — Румянцевой. Слишком сложными показывает автор личные переживания этой женщины. Во всех «личных» ситуациях актриса несколько истерична. Там же, где Румянцева предстает как талантливый ученый, Петухова играет с подлинной силой чувства. Поэтому закономерно, что именно Румянцевой вручает ученый свою заветную синюю папку.

Так режиссура и исполнители смогли усилить оптимистическое звучание

пьесы, донести мысль, что Дронову «есть кому передать факел».

Отметим также интересную работу Я. Малютина — Моргунова, Г. Инютиной (жена Дронова) и И. Горбачева, метко и остро очертившего Морозова.

Но в спектакле творческому горению Дронова противопоставлены не только «свинцовое равнодушие» Морозова, но и философия религиозного утешительства отца Серафима. Его проповеди веры в загробный мир Дронов противопоставляет материалистическую идею веры в разум и силы Человека. И этот философский смысл пьесы театр также углубляет (по его просьбе автор многое здесь дописал). Выразительно, умно играет Б. Фрейдлих отца Серафима. Страстно звучат последние слова Дронова — Черкасова, который и перед смертью продолжает свой поединок с идеологическим противником.

— А того света чет, — говорит Дронов — Черкасов. — Помни, все, что удалось тебе свершить на земле, — это вся твоя жизнь... Все остается людям, только людям.

Таков итог жизни большого ученого. Факел его открытий будет пылать и после его смерти. Таков гуманистический вывод хорошего спектакля.

О. ПЕРСИДСКАЯ